ЕДИНОЖДЫ СОЛГАВШИЙ

Тамара Крюкова

Современная проза (Аквилегия-М)

Тамара Крюкова

Единожды солгавший

«Аквилегия-М»
2014

УДК 82-93
ББК 84 (2Рус-Рос) 6

Крюкова Т. Ш.

Единожды солгавший / Т. Ш. Крюкова — «Аквилегия-М», 2014 — (Современная проза (Аквилегия-М))

ISBN 978-5-905730-05-4

«Единожды солгавший» – это сборник рассказов разных по настроению: романтических и трагических, шутливых и серьёзных, из которых, как из кусочков мозаики, складывается пёстрая картина современной жизни. При всей несхожести вошедших в книгу рассказов их объединяет вечная тема любви. Тамара Крюкова – лауреат Всероссийского конкурса «Алые паруса», лауреат Первой премии Международного общественного благотворительного фонда «Русская культура» за возрождение литературы для юношества России, обладательница многих других наград. Для читателей старше 14 лет.

УДК 82-93
ББК 84 (2Рус-Рос) 6

ISBN 978-5-905730-05-4

© Крюкова Т. Ш., 2014
© Аквилегия-М, 2014

Содержание

Ведьма 5
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Тамара Крюкова
Единожды солгавший

Ведьма

1

Дорога вилась среди горных уступов, покрытых пышной южной растительностью. Кое-где слоистые скалы высились почти отвесно и казались рукотворными, словно неведомый великан принялся возводить стены, но, так и не достроив, забросил своё занятие. То тут, то там на уступах гнездились нарядные белые и розовые кусты олеандра. Каждый поворот таил в себе новые открытия, но особенно захватывало дух, когда автобус вдруг выныривал к морю и перед глазами открывалась бескрайняя синь. Небо и водная гладь сливались в единую голубую даль, и лишь размытая акварельная линия горизонта отмечала границу между двумя стихиями, – воздухом и водой.

Молодёжный лагерь находился на самом берегу моря. Гористая местность диктовала архитектуре свои законы. Белые корпуса как будто случайно разбросали между высоких конусов кипарисов. Но в этой хаотичности крылось особое очарование. Многочисленные лесенки и переходы, пёстрые игровые и спортивные площадки, беседки и открытые террасы, кипарисовые аллеи и укромные уголки под ажурной тенью цветущей мимозы составляли настоящее праздничное царство каникул.

Был день заезда. К главному корпусу лагеря один за другим подъезжали автобусы, и из них вываливала ребятня. Младшие, устав от долгого сидения, толкались, пихались и мутузили друг друга, давая выход своей энергии. Подростки постарше держались более сдержанно, нарочито подчёркивая свою взрослость.

Стеклянные двери главного корпуса не успевали закрываться. Через них устремлялись всё новые группы детей. Наконец, пропустив очередную порцию приезжих, они сомкнулись для короткой передышки, но тут им снова пришлось расступиться.

Везя за собой чемодан на колесиках, в холл с достоинством королевы вошла красивая тёмноволосая девчонка. Несмотря на юный возраст, она уже твёрдо усвоила: чтобы иметь всё самое лучшее, нужно не смешиваться с толпой, а, напротив, выделяться из неё. И она действительно выделялась – манерой, жестами, посадкой головы. Даже традиционный наряд тинейджеров – обтягивающие джинсы и короткая майка, обнажающая пупок – не делал её похожей на остальных, а лишь подчёркивал идеальную фигуру. В юной незнакомке была не свойственная её возрасту грация взрослой женщины, сознающей свою притягательность. Стрижка каре с пышной чёлкой до бровей придавала её лицу нечто французское.

«Королева» остановилась посреди холла и привычно отметила, что её появление оценили. Ребята поглядывали на неё, кто тайком, искоса, а кто и более откровенно.

Всеобщее внимание льстило, однако её больше всех интересовал симпатичный блондин, который сидел на диване и слушал плеер, отбивая ритм ногой.

Она приметила его ещё в автобусе и сразу решила, что им стоит заняться. Поймав на себе его взгляд, девочка улыбнулась не раз опробованной улыбкой. Парень жестом пригласил её присесть. Она помедлила, будто решая, стоит ли тратить на него внимание, а потом походкой манекенщицы подошла и опустилась рядом. Он убрал наушники.

– Привет. Я Егор, а ты?

– Людка.

– Так-таки не Люда, не Мила, а Людка?

– Так-таки Людка. Тебя это напрягает?

– Ничуть.

– Ты первый раз в лагере? – поинтересовалась она.

– Да. А ты?

– Я уже третий год езжу. Люблю потусоваться.

– А меня предки отправили. Я вообще-то не сторонник жизни по расписанию, – признался он.

– Забудь. Мы же не в малышовой группе. Главное – с утра на завтрак успеть. А что касается отбоя, то при желании его можно и отодвинуть. Нет, правда, тут клёво. Пляж, дискотека. Что называется, бери от жизни всё. Главное – себя поставить.

– Научишь как?

– Не вопрос. Ты один?

– Как видишь.

– А чего тогда сидишь здесь? Надо же узнать, где ты будешь жить.

– Успеется. На улице не оставят. Сейчас суета схлынет, тогда и узнаю. Ты ведь тоже пережидаешь.

– У меня девчонки гонцами. Я с подружками. Вон те двое, справа. Видишь, как раз повернулись?

– Толстушка? – переспросил Егор.

– Да, это Колобок.

– А симпатичная рядом с ней тоже с вами?

В Людкины планы не входило, чтобы Егор обращал внимание на подружку, поэтому она не преминула подчеркнуть её недостаток:

– Ага, Мася. Дюймовочка наша. Она без каблуков полметра с кепкой, поэтому жутко комплексует из-за своего роста.

Девчонки оглядывали холл в поисках Людки. Она помахала им рукой и поднялась с дивана.

– Ну я пошла. Увидимся позже.

– Непременно, – кивнул Егор.

Он невольно проводил её взглядом. Впрочем, не только он. В её красоте было что-то магнетическое. Подобные девчонки красовались на обложках глянцевых журналов, а в обычной жизни вызывали невольное восхищение и вопрос: неужели такие бывают на самом деле?

2

Людка приезжала в этот лагерь уже не первый год и знала расположение корпусов. Отделившись от основной группы, она повела подружек окружным путём, минуя лесенки, по которым неудобно было тащить чемодан на колёсиках.

Ирка по прозвищу Колобок, которая относилась к Людке с трепетным обожанием и переживала романы подруги как свои, восторженно восклицала:

– Какой клёвый парень! Отпад! Людка, вы такая классная пара. Я просто тащусь.

– Мы же только познакомились, а ты нас сразу женить. Может, ничего и не будет, – слукавила Людка.

– Вот именно. Может, у него девушка есть, – вставила Мася.

В отличие от Колобка она относилась к Людке более сдержанно. Обладательница хорошенького, кукольного личика и ладной фигурки, она считала, что выглядит ничуть не хуже подруги, и завидовала её высокому росту. Между двумя девчонками существовала дружба с терпкой примесью соперничества.

Троица была неразлучна. Если Колобок подпитывала Людку своей безоговорочной преданностью и преклонением, то соперничество с Масей подстёгивало и держало в тонусе. Однако временами Мася действовала Людке на нервы. Вот и сейчас: чего зря языком болтать?

– И что с того, если у него девушка? – с вызовом спросила Людка. – Если б мне нравились только те парни, у которых нет девушек, я бы до сих пор целкой ходила.

– Не слушай Маську. Я точно говорю. Он на тебя запал. Прямо пожирал глазами, когда ты шла, – заверила Колобок.

Сейчас Людка была не в настроении обсуждать амурные дела, поэтому перевела разговор на другую тему:

– Тут комнаты на четверых. Интересно, кого к нам подселили?

Они обогнули спортивную площадку и оказались на месте. У входа в корпус, раскрыв опахала листьев, стояли волосатые пальмы. Двери комнат выходили на открытую террасу. Многие были распахнуты настежь. Расселение проходило шумно и весело. В день приезда завязывались знакомства и начиналась дружба на всю жизнь, которой суждено было продлиться до конца смены. Пройдя по тенистой террасе, девчонки нашли свою комнату.

Возле окна стояла худенькая белобрысая девочка. Казалось, создавая её, природа экономила краски. Волосы, стянутые на затылке в незатейливый хвостик, были почти бесцветными, а белёсые ресницы и брови почти не выделялись на бледном лице. На вид ей было лет двенадцать-тринадцать.

Людка окинула новую соседку взглядом.

– Привет. А ты не заблудилась? Тут живут старшеклассники.

– Я девятый закончила, – тихим голосом сказала девчонка.

– Да? Никогда бы не сказала. Хорошо сохранилась, – пошутила Людка. – Ну ладно, давай знакомиться. Тебя как зовут, тихоня?

– Тоня.

– Тоня-тихоня. Точно в рифму. Я Людка, а это Колобок и Мася.

– Марина, – поправила её Мася, которая всегда представлялась новым знакомым полным именем, скорее по привычке, чем в надежде избавиться от намертво прилипшего сюсюкающего прозвища.

– Ладно, ближе к делу. Давайте располагаться, – скомандовала Людка и, подобно вожаку стаи, первая выбрала место: – Чур я возле балкона.

Она по-хозяйски прошла к кровати и, заметив там рюкзак, обернулась к Тоне:

– Твое барахлишко?

Тоня молча кивнула.

– Ну так забирай. Чего стоишь? – сказала Людка.

Тоня не шелохнулась.

– Ты что – глухая? Бери свои шмотки, – начала терять терпение Людка.

Тоня оглянулась на девочек, словно ища поддержки. Людка, которая привыкла к всеобщему повиновению, никак не ожидала такого сопротивления.

– Девки, я чего-то не догоняю? Я что, по-иностранному говорю? Или она русского не понимает?

Она в упор уставилась на Тоню и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Повторяю для тупых. Я здесь буду спать. Дошло?

Не дожидаясь, пока девчонка заберёт свои вещи, Людка без лишних церемоний взяла рюкзак и бросила к ногам хозяйки.

– Но я же первая, – тихо произнесла Тоня.

– Что?! – взбеленилась Людка и посмотрела на неё так, будто увидела редкий биологический экземпляр. – Запомни раз и навсегда. Я тут первая. И без вариантов. Усекла? А ты будешь спать там, где я скажу. Девчонки, занимай места.

От такой несправедливости глаза у Тони невольно наполнились слезами. Колобок покачала головой.

– Что ты тут детский сад устраиваешь? Не всё равно где спать? Лучше не выпендривайся.

– Весёленькое соседство, – хмыкнула Мася.

Тоня молча подняла рюкзак и положила его на оставшуюся незанятой кровать.

3

Не прошло и трёх дней, как Людку знал весь лагерь. Несмотря на свою манеру держаться, словно госпожа среди вассалов, а может быть, благодаря этой манере, Людка на редкость легко заводила приятельские отношения. Она умела вовремя сойти с пьедестала, чтобы обменяться парой фраз или улыбкой, и с первого раза запоминала все имена.

Людка была всеобщей любимицей и прирождённым лидером. Ребята помладше ей во всём подражали и с радостью исполняли любые её поручения. Старшие старались завязать с ней дружбу. Те немногие, кому Людка казалась чересчур заносчивой, наглой или шумной, старались держать своё мнение при себе. Так люди не афишируют своего равнодушия к признанным шедеврам литературы и искусства, боясь, что их заподозрят в дурном тоне.

Даже воспитатели и вожатые подходили к Людке с особой меркой. Она могла найти ключик к любому сердцу и обойти запреты, мешающие ей отдыхать на полную катушку. Она пользовалась таким авторитетом у ребят, что при необходимости могла заставить их ходить по струнке, точно так же, как создать проблемы. Поэтому воспитатели смотрели сквозь пальцы на то, что она не слишком строго придерживались режима, покуривала и порой по мелочам нарушала дисциплину. То, что запрещалось другим, Людке сходило с рук.

При всей Людкиной общительности круг избранных, который составлял своеобразную элиту лагеря, был довольно ограничен. Компания сложилась сама собой. Людка с подружками и ребята, жившие в одной комнате с Егором, – Витёк и Васька.

Тоне не нашлось места в высшем свете, впрочем, как и в других сложившихся группках. В отличие от Людки Тоня совсем не умела сходиться с людьми. Тихая и молчаливая, она обладала удивительным свойством – оставаться неприметной. Так жучок сливается с корой дерева. Можно было скользнуть по ней взглядом и даже не заметить её присутствия, точно она невидимка. На неё не обращали внимания, как на малозначительный штрих пейзажа. За несколько дней, проведённых в лагере, она так и осталась здесь чужой.

Людка с девчонками соседку игнорировали. Не со зла, а потому, что у них было чем заняться помимо того, чтобы нянчиться с недотёпами. Впрочем, и конфликтов между ними больше не возникало. Тоня им ни в чём не перечила. Видя, что тихоня поняла своё место, Людка великодушно простила ей бунт. Она вообще не держала долго камня за пазухой.

Однажды после полдника, когда начались занятия в клубах по интересам, Людка с компанией решили совершить вылазку за пределы лагеря. Витёк обнаружил место, где можно легко перелезть через ограду. Покидать территорию лагеря было запрещено, но тем сильнее этого хотелось.

Соблюдая меры предосторожности, ребята миновали хозяйственные постройки и под прикрытием увитой розами шпалеры двинулись в сторону забора.

– Там дерево растёт – нарочно не придумаешь. По нему забраться – раз плюнуть, – разглагольствовал Витёк.

– А что если нас хватятся? – пытался урезонить авантюристов осторожный Васька.

– Кто не хочет, того не держим, – сказала Людка таким тоном, что можно было не сомневаться – если Васька останется, на этом его членство в компании избранных закончится.

– Чего ты, в самом деле, всем кайф ломаешь? – как всегда, поддержала Людку Колобок.

– А я что? Я ничего, – поспешно ретировался Васька.

Продравшись через заросли дикого винограда, они вышли к забору, возле которого росла старая мимоза. Крона дерева с пугливыми резными листочками была покрыта пушистыми розовыми цветами, похожими на крошечные японские веера. Несколько веток перекидывались прямо через забор. Залезть по ним не составляло труда.

– Зацените! – с гордостью сказал Витёк.

– Класс! Витёк, ты гений, – похвалила его Людка.

Ребята подошли ближе и увидели, что под мимозой, обхватив тощие коленки, сидит Тоня.

– Опаньки. Явление очередное, – воскликнул Витёк и обернулся к Людке: – Что будем делать?

– Надо возвращаться, – предложил Егор.

– Вот именно, – поддержал его Васька.

– Ага, чтобы записаться в кружок «Умелые руки», – съехидничала Людка.

Она уже предвкушала прогулку в лесу, где можно было познакомиться с Егором поближе. До сих пор между ними не было ничего, кроме разговоров на общие темы. А лес на горном склоне представлял массу возможностей. Должен же Егор поддержать её на спуске или помочь подняться. И надо же было тихоне оказаться в неподходящее время в самом неподходящем месте!

Глядя на Тоню в упор, Людка достала сигарету, не спеша раскурила и затянулась. Тихоня не шелохнулась и не произнесла ни слова, как будто она была неодушевлённым предметом. Живыми оставались лишь глаза. Некоторое время девчонки смотрели друг на друга, а потом Людка выдохнула очередное облако дыма и произнесла:

– А пускай идёт с нами. Ну что, чудо природы, пойдёшь в лес?

Тоня без колебаний кивнула. Людка обернулась к Ваське.

– Видал, Васька? Учись. Она не дрейфит, как некоторые. Молодец, тихоня.

– А что если она нас заложит? – угрюмо буркнул Васька.

– Не вибрируй. Она не из болтливых. Нормальная девчонка. Правда?

Людка улыбнулась и подмигнула Тоне, как будто они были давними подружками. Согретая похвалой, Тоня робко улыбнулась в ответ.

Она никак не могла понять свою красивую соседку. В той всё было перемешано. Людка могла быть злой и заносчивой, а в следующий момент проявить доброту. Она обладала редкостным даром – одним жестом, одним взглядом расположить к себе людей, так что за ней хотелось идти хоть на край света.

Ребята перелезли через забор и попали в густые заросли папоротника. В мягком южном климате кусты разрослись чуть ли не по пояс. От примятых ажурных листьев исходил тонкий сладкий аромат, перебивая йодистый запах моря.

– Ну, Сусанин. Куда ты нас завёл? Тут хоть какая-нибудь тропа есть? – обратилась Людка к Витьку.

– А фиг его знает? Я же не ходил, – пожал плечами Витёк.

– Что за кайф по зарослям лазить? – проворчал Васька.

Раздвигая резные ветви и стараясь не повредить кусты, Тоня молчком пошла вперёд, сделав знак идти за ней. За неимением лучшего проводника ребята потопали следом и вышли на тропу. Тихоня подождала, пока все подтянутся, а потом с такой уверенностью повернула по тропе вверх, как будто была здесь не в первый раз. Время от времени она оглядывалась, чтобы убедиться, что никто не отстал.

Тяжелее всего было Марине. Её сабо на высокой платформе были явно не приспособлены к тому, чтобы карабкаться по горным тропам.

Она то и дело спотыкалась и оступалась.

– Давай помогу, – предложил Егор, взяв её на буксир.

«Неужели ему нравятся недомерки?» – разозлилась Людка. Внешне она ничем не выказала недовольства, но скулы её напряглись, а в глазах появился прищур хищницы, который делал её ещё более привлекательной. Она и не предполагала, что знаки внимания к миниатюрной подружке были неловкой попыткой защититься от её чар.

Людка понравилась Егору с первого взгляда. Природа наделила её редкостной, совершенной внешностью. Если бы не её напористость, он бы принялся за ней ухаживать, но инстинкт подсказывал, что эта девчонка не терпит никаких других отношений, кроме безоговорочного подчинения. Её властность отпугивала и заставляла держаться в стороне. В наше время всё перевернулось. Точно так же, как прежде мужчинам приходилось завоевывать даму, сердце которой было давно покорено, сейчас Людка шла напролом, чтобы покорить по уши влюблённого Егора.

– Эй, тихоня, а куда мы идём? – спросила Людка.

– К ручью.

– А откуда ты знаешь, что там ручей?

Тоня пожала плечами. Людка посмотрела на неё с любопытством.

– Ну и ну! Недаром говорят, в тихом омуте. Мы все за забором сидим, дисциплину блюдём, а она по лесу гуляет. Уважаю. Учись, Васька. Тебе у тихони надо уроки брать. А то ты трясёшься по поводу и без.

– Я просто предупредил, что если хватятся, нам попадёт.

– Ага, Нафталин тебе пальчиком погрозит, – засмеялся Витёк.

Нафталином прозвали приставленного к ним воспитателя. Он был не намного старше своих подопечных, только что закончил вуз, но придерживался таких взглядов, как будто уже давным-давно вышел на пенсию. Он даже представился Иваном Павловичем, а не по имени, как другая молодёжь, работающая в лагере. Впрочем, подобную официальность скоро упразднили. В глаза его звали Палыч, а за глаза Нафталин. Палыч любил почитать нотации о правилах поведения, но его никто не боялся, потому что, несмотря на его попытки строить из себя сурового наставника, он был безобидным.

Скоро ребята вышли к источнику. Он бил из трещины в скале, перекатывался через голыши и, образовывая крошечные водопадики, тёк дальше. Железистая вода окрасила камни в ржаво-рыжий цвет.

– Отпад! Можно ноги помочить, – сказала Людка, сбрасывая мокасины.

Все последовали её примеру, лишь Мася предпочла оставаться в сабо. Людка с усмешкой посмотрела на неё:

– А ты что, так и будешь на своих ходулях? Здесь же горы, становись повыше, никто и не заметит, что ты коротышка.

– Я не люблю ходить босиком, парировала Марина. Временами она готова была убить Людку за её злой язык.

– Зря. Так клёво по травке походить.

Колобок наступила в ручей и тотчас выскочила.

– Ой, вода леденющая. Прямо ноги ломит!

– Интересно, куда он потом течёт? Может, это будущая река из тех, что мы проходили по географии? – сказал Егор.

– Ну ты, чувак, философ, – рассмеялся Витёк.

– А что? Ведь где-то этот ручей становится рекой. Аттракцион! Я великан, который одним шагом перемахивает через реку, – объявил Егор.

Он картинно раскланялся, сделал широкий шаг и вскрикнул от боли. Между камнями лежала разбитая бутылка. Стекло пропороло ногу. Из раны показалась кровь. Сначала медленно, будто нехотя, на порезе набухла густая, красная капля, а потом, точно осмелев, кровь потекла струйкой.

– Капец. Допрыгался, Гулливер. Цивилизация и сюда дохиляла, – угрюмо провозгласил Витёк.

– Что будем делать? – спросила Колобок, глядя на Людку в ожидании указаний.

– Не знаю. Я крови не выношу, – отвернулась побледневшая Людка.

Дрожащими пальцами она достала сигарету и, раскурив её, с жадностью затянулась.

– Говорил, что не надо уходить из лагеря, – угрюмо заметил Васька.

– Может, сходить за медсестрой? – робко предложила Мася.

– Ага, чтоб нас потом на цепь посадили и из лагеря никуда, – возразил Витёк.

– Уже доходились, – проворчал Васька.

– Слушай, не капай на мозги, без тебя тошно, – осадила его Колобок и обратилась к Егору: – Ты идти можешь?

– Попробую.

Он поднялся и, опираясь на Витька, сделал тройку прыжков, оставляя на траве кровавые пятна.

– Да, так мы далеко не уйдём. А ещё через забор лезть, – помрачнел Витёк.

Егор опустился на траву.

– Если бы хоть сбоку, а то на самой пятке. Я наступить не могу, – извиняясь, произнёс он.

– Надо бы перетянуть, чтобы кровь не текла, – сказала Мася, не трогаясь с места.

Неожиданно к Егору подошла Тоня. Про неё, как всегда, забыли. Девчонка опустилась на корточки.

– Давай сюда ногу, – сказала Тоня.

Она ловко промыла рану в ручье. Вода стала розовой, будто окрашенной марганцовкой.

Холод на время притупил боль. Кровь приостановилась, но тотчас проступила вновь.

Егор попробовал приподняться, но Тоня жестом приказала ему сидеть. Склонившись над раной и что-то пришёптывая, она водила рукой над порезом.

Время будто застыло.

– Чой-то она делает? – шёпотом спросил Витёк.

Вопрос не требовал ответа. Все стояли и заворожённо смотрели, как кровотечение остановилось. На месте пореза образовалась корочка.

– Епрст! Круто! – потрясённо вымолвил Витёк.

– Как это у тебя получилось? – спросил Егор.

Тоня молча пожала плечами и отступила, вновь играя привычную роль статиста.

– Ладно, погуляли и хватит. Пойдёмте в лагерь, – поторопил всех Васька.

– Слушай, Васька, ты всех уже достал! Ты хоть врубился, что ты только что видел чудо? – спросил Егор, с интересом разглядывая Тоню.

От Людки не ускользнул его взгляд. Не то чтобы она приревновала, там и ревновать-то было не к чему, но всё же на Маську он так не смотрел. За сегодняшний день тихоня дважды удивила её. Какие ещё сюрпризы таились в этом тщедушном теле? За ней стоило присмотреть.

Людка подошла к Тоне вплотную и насмешливо произнесла:

– А ты, оказывается, ведьма?

Тоня вздрогнула и помотала головой:

– Не говори так.

– Почему? Это круто, – подначивала её Людка. – Сейчас даже журнал такой есть – «Ведьма». А что, правда подходит?

Людка наставила на Тоню рожки из пальцев и загробным голосом процитировала:

– Там чудеса, там леший бродит и ведьмы на ветвях сидят.

Тоня испуганно поплевала через плечо и быстро перекрестилась.

В её испуге было что-то архаическое.

Людка и Витёк прыснули со смеху. За ними засмеялись Колобок и Мася.

– Что тут смешного? – одёрнул их Егор.

После того что сделала эта девчонка, имени которой он не знал, ему было неловко, что над ней зубоскалят.

– Ладно. Инквизиция отменяется. Пускай живёт, – усмехнулась Людка.

4

Случай в лесу для всех остался тайной, как и Тонины необычные способности. Посвящённые, не сговариваясь, хранили секрет. Всем оставалось лишь гадать, почему тихоня получила доступ в круг избранных, ведь подобной привилегии пытались добиться многие. Впрочем, как у Людкиной соседки у неё были преимущества перед остальными.

Если раньше Тоня была пустым местом, то теперь Людка начала к ней присматриваться. С виду тише мыши, но та ещё штучка. Людка вспомнила стычку в день приезда. До сих пор никто не вступал с ней в открытую конфронтацию. Правда, с тех пор тихоня ведёт себя паинькой, но это ещё ничего не значит. Интересно, что у неё на уме? Молчит, держится особняком. Любая другая на её месте уже всем растрезвонила бы про свои способности, а эта даже словом не обмолвилась.

Тоня привлекла не только Людкино внимание. Егор тоже стал её замечать, а точнее сказать – выделять из пейзажа. Девчонка была со странностями. Он в жизни не встречал более тихого и неприметного существа. Как будто она себя стеснялась. Словно её устраивало быть никем.

Выйдя из столовой, Егор направился в свой корпус, но, увидев в беседке Тоню, свернул к ней. После случая в лесу они ни разу не разговаривали, и ему захотелось её поблагодарить.

Девочка, по обыкновению одна, сидела в излюбленной позе, обхватив коленки руками. За вязью вьющихся роз, усыпанных букетиками бордовых цветов, её было почти не видно.

– Можно? – спросил Егор, опускаясь рядом. – Ты чего тут сидишь?

– Пахнет хорошо, – сказала Тоня.

В воздухе в самом деле стоял устойчивый аромат роз, но прежде Егор как-то не обращал на это внимания.

– А я хотел тебе сказать спасибо. Представляешь, у меня даже шрам исчез.

Девочка улыбнулась.

– Слушай, а как у тебя это получается? – поинтересовался Егор.

Тоня пожала плечами.

– Почему ты всё молчишь, как немая?

– А что говорить? Я люблю слушать.

– Это типа себе на уме? – усмехнулся Егор.

Тоня снова молча пожала плечами.

– И что же ты слышишь?

– А ты? – неожиданно спросила девочка.

Егор прислушался.

– На спортивной площадке орут.

– А кузнечика слышишь?

– Нет. Хотя да. Точно стрекочет. Ты что – экстрасенс? – спросил Егор и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Знаешь, я раньше во всё это не верил. Нет, я, конечно, понимал, что есть люди, которые могут лечить. Но чтобы вот так, за несколько минут убрать даже шрам! Тебя этому кто-то научил?

Тоня помотала головой.

– А откуда же ты умеешь?

– С рождения.

– Наследственное, что ли?

– Нет, только я такая. Мамка говорит, в семье не без урода.

– Прикольная ты девчонка. Другая бы на твоём месте гордилась.

– Чем гордиться? Это грех.

– Лечить людей грех?

– Лечить не грех, а другое… – Тоня осеклась и замолчала.

– Что другое? – заинтересовался Егор.

Тоня колебалась. Она избегала говорить о своих способностях. В этом было что-то неправильное, не как у людей. Мать говорила, что это кара, поэтому Тоня привыкла держать свой дар в тайне, как нечто постыдное, как врождённое уродство.

– Да ладно, не стесняйся. Я никому не скажу, – пообещал Егор.

Тоня редко полагалась на разум. Он часто подводил её. Во дворе к ней приклеился ярлык умственно отсталой, но недостаток работы ума она компенсировала интуицией. Егор был добрый, и она инстинктивно потянулась к нему. Проявление человеческого тепла было для неё в новинку. Она настолько привыкла быть пустым местом, что, впервые почувствовав к себе живой интерес, захотела его удержать. Но за внимание надо платить откровенностью.

Она собралась с духом и сказала, будто нырнула с обрыва в холодную воду:

– Я могу повести человека против его воли куда захочу.

– Как это?

– Увижу, будто он за верёвку привязан, и веду его, как на поводке. А то ещё могу в уме верёвку поперёк дороги натянуть. Человек споткнётся и дальше не идёт.

– Здорово! Покажи, – загорелся Егор.

Тоня помотала головой.

– Нет, это грех.

– Что же в этом плохого?

– Нельзя с человеком ничего против его воли делать. Грех это, – с убеждённостью произнесла девочка.

– Но ты же с моего согласия меня остановишь. Я сам этого хочу.

– А хочешь, так и без меня остановишься.

– Тебя не переубедишь. И всё же зря ты скрываешь свои способности. Хотя бы рассказала про то, что умеешь лечить.

– Людям это знать не надо. Я бы и тогда промолчала. Только ты светлый.

– Это как в «Ночном Дозоре», что ли? – усмехнулся Егор.

– Где? – не поняла Тоня.

– Кино такое есть. И книжка.

– Не знаю. Я кино не смотрю.

– А телевизор?

Девочка помотала головой.

– Там зла много. Это грех.

– Ну ты даёшь! А как же тебя родители сюда отпустили? – удивился Егор.

– Тётка путёвку купила. Мать болеет очень, – сказала Тоня.

– А что с ней?

– Душа болит.

Тоне не нравилось, когда мать называли сумасшедшей или умалишённой. У неё была своя теория на этот счёт. Ей казалось, что определение «душевнобольная» правильнее отражает суть маминой болезни. Ведь не от недостатка ума человек впадает в буйство и становится злым. Наверняка это в душе образовывается прореха, куда вся злость и выпирает.

Егор истолковал её слова по-своему.

– Это в смысле что-то с нервами?

Тоня кивнула.

– Наверное, работа нервная?

– Она не работает. В больнице она.

– А когда не в больнице?

– Я с ней сижу. На инвалидности она.

– А как же школа?

– Дома учусь. Давно уже. За матерью ухаживать надо.

– А отец? Или родители развелись?

Егор выспрашивал не из любопытства, а просто чтобы растормошить эту немногословную девчонку и поддержать разговор. Он и не предполагал, какую реакцию вызовет его вопрос.

У Тони из глаз покатились слёзы. Вся боль, которую она прятала под могильной плитой молчания, неожиданно прорвалась. Она заговорила.

– Не было у меня отца. Мать нечистый попутал. Вот я и вышла не как люди, уродина. Мать говорит, это Господь ей кару послал за грех. Я как стала вещи глазами двигать, у неё приступы и начались. Если б не я, она б и не болела. Во всём я виновата. Лучше бы я не родилась вовсе.

Обхватив себя за плечи, девочка спрятала пылающее от стыда лицо. Худенькое тельце конвульсивно сотрясалось от беззвучных рыданий.

Егор растерялся. Ему было жалко эту тёмную девчонку, которую вконец застращала дура мать. Он и не предполагал, что в наше время ещё существует такая дремучесть. Егор сделал жест, который и сам не мог объяснить. Он обнял Тоню за плечи. В этом прикосновении не было ничего личного. Так обнимают чужого ребёнка, чтобы утешить, когда он упал и разбил коленку.

– Ну перестань. Какая же ты уродина? Ты симпатичная. Особенно когда улыбаешься. А что до твоих способностей, так им можно только позавидовать. Многие этому учатся, и у них всё равно ничего не выходит, – он, как мог, пытался её успокоить.

– И тебе не противно? – спросила Тоня, наконец решившись поднять глаза.

– Наоборот. Какая же это кара? Это талант.

Тоня несколько мгновений пытливо смотрела на него, а потом утвердительно кивнула и с ноткой удивления произнесла:

– А ты правда так думаешь.

– Конечно, правда. С чего мне врать?

Тоня, внезапно опомнившись, что она сидит в объятиях парня, пугливо отстранилась. Егор тоже инстинктивно подался назад, чувствуя себя так, словно его обвинили в сексуальных домогательствах. После всего, что он услышал, Тоня была для него существом из какого-то другого мира, ископаемым, с которым он не знал, как следует себя вести.

Людка издали наблюдала, как Егор обнимался в беседке с Тоней, и в ней вскипала тупая злость. А она-то, дура, считала, что ревновать к этой убогой глупо. А Егор каков! Урод! Извращенец! Чем его приворожила эта тихоня?

Вот уже несколько дней Людка и так и сяк пыталась разжечь его интерес, но дальше словесных перепалок в компании дело не шло. Встреч наедине он упорно избегал. Она уже начала сомневаться, что его интересуют девушки. И вот тебе сюрпризец! Обниманцы среди бела дня. И с кем! С этой блаженной! А может, она и правда ведьма? Интересно, о чём они там болтают?

Людку так и подмывало подойти и вмешаться в их разговор, но она сдержалась, понимая, что ничего этим не добьётся, только выставит себя идиоткой. Наконец Егор поднялся со скамейки.

Тоня осталась сидеть. Она смотрела ему вслед, и в её душе теплилось новое, неизведанное чувство. Впервые она вынырнула из небытия и ощутила себя не пустым местом и не чьим-

то наказанием, а человеком. «Ты симпатичная, особенно когда улыбаешься». Он так сказал. Тоня и не предполагала, что кто-то может считать её симпатичной. Ради одобрения Егора она готова была улыбаться хоть целый день.

Людка готова была рвать и метать. Такого плевка она в жизни не получала. Чтобы ей предпочли какую-то замухрышку! Впрочем, она не собиралась отступать.

– Ну ничего, мы ещё посмотрим кто кого. Ты у меня попляшешь, – зло процедила она.

Егор должен принадлежать ей. Теперь это было делом принципа.

5

Тоня так сжилась со своей неприметностью, что это стало её второй натурой. Девочка с самого раннего детства усвоила урок: чем меньше к себе привлекаешь внимания, тем меньше побоев и страдания тебе достаётся. Со временем она так преуспела в искусстве быть незаметной, что на неё обращали не больше внимания, чем на дерево или столб. В пьесе жизни Тоне никогда не доставалась роль действующего лица, и даже ролью статиста её баловали нечасто. Она была скорее деталью декорации к происходящему. И если художники-модернисты выходили на улицы и создавали хеппенинги, живые картины, то вся жизнь Тони была, напротив, попыткой слияния с неживым фоном.

Внимание Егора словно разбудило её. Скорлупа, в которой пряталась её душа, дала трещину. Тоня то и дело мысленно прокручивала их разговор. Егор заставил её взглянуть на себя другими глазами. Тоня привыкла к мысли, что она уродец, способный вызывать у людей только отвращение, но в Егоре не было ни намёка на брезгливость. Она бы почувствовала. Она рассказала ему о самом постыдном, в чем никому не решилась бы признаться, и всё же он не отвернулся от неё. Он назвал её симпатичной.

Тоня никогда не задумывалась о своей внешности и не смотрелась в зеркало. К чему зеркало пустому месту? Она с удивлением поняла, что даже не может представить своё лицо. Впервые в жизни у неё появилось желание себя разглядеть.

Увидев на тумбочке у Марины пудреницу, Тоня подошла и робко взяла её в руки. Она вернулась на своё место, села и зажала плоскую синюю коробочку между ладонями, не решаясь её открыть. Наконец, собравшись с духом, она открыла пудреницу и начала себя разглядывать. В зеркальце попадал то нос, то рот, то глаз, так что она не могла составить целой картины. Но Егор назвал её симпатичной. Значит, ему видней.

Дверь открылась, и в комнату вошли Людка, Мася и Колобок. Тоня поспешно захлопнула пудреницу и, спрятав ее в ладонях, зажала между коленями. Её обдало волной стыда, как будто её застали за чем-то непристойным. Девчонки, как всегда, не обратили на неё внимания. Тоня затихла и наблюдала, как соседки по комнате переодеваются в купальники. Побросав вещи в пляжные сумки, Людка и Колобок направились к двери. Мася замешкалась, обшаривая ящик тумбочки.

– Что ты там копаешься? Давай быстрей, – поторопила её Людка.

– Пудру куда-то задевала.

– На фиг тебе пудра на пляже? – усмехнулась Колобок.

– Не занудствуй. Мне нужно зеркальце, – отмахнулась Марина, и тут её взгляд упал на Ведьму.

Тоня не знала, как ей быть. Она поёрзала на кровати. Девчонки повернулись в её сторону.

– А, и ты тут? – сказала Людка, только что обнаружив её присутствие.

– Смотри-ка, покраснела. Чем это ты тут занимаешься?

Сгорая от стыда, Тоня протянула Марине пудреницу.

– Так это ты взяла? – удивилась Мася и недовольно произнесла: – Вообще-то, когда берёшь чужие вещи, надо спрашивать.

– Она на тумбочке лежала, – вконец смутившись, прошептала Тоня.

– И главное, я ищу, а она сидит и молчит, как рыба об лёд, – проворчала девочка.

– Интересно, для чего это тебе понадобилась пудра? – язвительно спросила Людка. – Для кого прихорашиваешься? Может, ты влюбилась?

Щёки Тони обдало новой волной румянца.

– Точно влюбилась. Девчонки, догадайтесь с трёх раз в кого.

– Ясное дело, – хихикнула Колобок.

– Точно! И я так думаю. В Нафталина! – насмешливо воскликнула Людка и ехидно продолжала: – Только ты учти – он женатый. Или для тебя жену подвинуть раз плюнуть? Ты же Ведьма!

Слово ударило Тоню, как брошенный камень. И в памяти тотчас всплыло, как на неё падали сотни таких слов-ударов из уст матери: «Ведьма! Выродок! Уродина! Кара небесная!»

Тоня закрыла уши ладонями и сжалась, точно опасаясь, что на неё посыплются настоящие удары.

6

Под натиском отдыхающих море как будто утрачивало своё величие и становилось лишь видом развлечения для копошащихся, орущих, брызгающихся, визжащих и пищащих людей. Если в те часы, когда берега его были пустынны, в биении прибоя ощущалось могущество и дыхание вечности, то сейчас был слышен только гвалт, а пёстрая атрибутика летнего отдыха лезла в глаза, нивелируя безграничность морского простора. Взгляд подмечал яркие тенты и полотенца, цветастые мячи и надувные матрасы и, пресыщенный пестротой, не устремлялся за горизонт.

На пляже было людно и шумно. Малыши купались по свистку, а для старших делалось исключение. Это был один из тех случаев, когда лучше разрешить, чем создавать проблемы. Людка и компания пользовались почти неограниченной свободой. Они всегда занимали одно и то же место под тентом.

Людка с нарочитой тщательностью втирала крем для загара, делая вид, что она полностью поглощена этим занятием. Растерев шею и руки, она громко спросила:

– Кто мне спинку натрёт?

– Я! – подскочил Витёк.

Людка умело подавила разочарование. Откровенно говоря, она рассчитывала, что вызовется сидящий подле Егор. Витёк её мало интересовал.

– Гуляй, – отмахнулась она. – Я имела в виду Масю или Колобка.

В последние дни Егор полностью завладел Людкиными мыслями. Она привыкла получать всё по первому требованию. Егор ей понравился сразу. Ещё в автобусе она решила закрутить с ним роман, и вот жизнь выкинула такой фокус. Людка могла бы с лёгкостью заполучить любого другого парня, но именно тот, кто ей нравился, держался подчёркнуто отстранённо.

Егор стал её наваждением. У неё было множество увлечений, но никогда прежде она не просыпалась и не засыпала с мыслями об одном человеке. Чем больше ускользал Егор, тем сильнее её охватывала одержимость его получить.

Он, несомненно, из всех выделялся. Она отмечала в нём всё новые достоинства. Галантность, с которой он пропускал девчонок вперёд, и то, что он читал на английском языке и собирался на будущий год поступать на факультет журналистики. В нём был особый лоск. Людка понимала, что подходит ему, как ни одна другая девчонка. Мало того, женское чутьё подсказывало, что она ему нравится. Порой она ловила на себе его далеко не безразличный взгляд. Зачем же он мучил её? Почему избегал? Неужели он всерьёз влюбился в Ведьму?

И тут Людка увидела Тоню. Та как будто материализовалась в ответ на её мысли. Осторожно ступая между расстеленными полотенцами, девчонка приближалась к ним.

Людка зло сощурилась. Чего это вдруг Ведьму потянуло на водные процедуры? Прежде она сторонилась пляжа. А может, она притащилась из-за Егора?

По обыкновению тихо Тоня подошла к ним и присела на песок, укрыв ноги по щиколотку юбкой.

«Смотри-ка, какая тихая мышка. Можно подумать, её тощие ляжки кого-то интересуют», – подумала Людка, и в памяти, словно ответ на немой вопрос, всплыла сцена в беседке. «Неужели Егор не видит, что в этой вешалке ни кожи, ни рожи?»

– Эй, Ведьма, ты чего не раздеваешься?

Людка замечала, как та вздрагивает, когда её называют ведьмой, поэтому не упускала случая доставить себе это садистское удовольствие.

– У меня купальника нет, – ответила Тоня.

– Ну и что? Загорай в трусиках. Всё равно тебе показывать нечего, – усмехнулась Людка.

Тоня залилась краской.

– Чего ты стесняешься? В Европе сейчас все купаются топлес, – продолжала Людка.

– Это как? – живо заинтересовался Витёк.

– А вот так, – озорно подмигнула Людка, расстегнула застёжку, и лифчик упал, обнажив красивую грудь.

– Вау, мне нравится этот обычай, – воскликнул Витёк.

Егор был почти уверен, что этот спектакль рассчитан на него. При виде полуобнажённой девчонки его обдало жаром. Он не хотел показывать, что её уловка удалась, и поспешно перевернулся на живот.

Тоня уткнулась взглядом в песок. Ей было совестно, как будто это она стояла голая на всеобщем обозрении.

– Атас, Палыч идёт, – шикнул на них пугливый Васька.

– О, сейчас Нафталин воспитывать будет, – сказала Людка, надевая лифчик.

– Это что за стриптиз? – стараясь придать своему голосу строгость, спросил Палыч.

– У меня застёжка слабая, всё время расстёгивается, – кротко сказала Людка. – Не поможете застегнуть?

– Людмила, в кого ты такая наглая? – спросил воспитатель.

– Не наглая, а эмансипированная, – парировала девчонка.

– Ишь какие ты слова знаешь.

– А я в школе хорошо учусь. Почти отличница. И вообще у меня кругозор широкий. Я «Декамерона» читала. А вы?

– С тобой невозможно говорить, – покачал головой Палыч и удалился.

– Разговор о литературе не удался, – развела руками Людка.

– А ты, правда, читала «Декамерона»? – спросил Егор.

Интуиция подсказала Людке, что она его зацепила.

– А ты думаешь, если симпатичная девчонка, то у неё пол-извилины? – съехидничала она.

Витёк посмотрел на Людку и укоризненно произнёс:

– Прикатили к переправе, а паромщик в дупель пьян. Вы тут ещё урок литературы устройте.

– Отдыхай, Витёк. Это разговор для гуманитариев, – сказала Людка, многозначительно глянув на парня.

– Понял, не тупой. Ребята, айда купаться! – скомандовал Витёк, и вся компания повалила в воду.

Егор по-прежнему лежал на животе, уставившись на мельтешащих в море ребят. Людка опустилась на полотенце рядом с ним и насмешливо произнесла:

– Ну что, будем о книжках говорить?

– Зачем было раздеваться перед всеми? – спросил он.

– Тебя это напрягает? А я думала, тебе до лампочки.

– В принципе, это твоё дело, – он нарочито безразлично пожал плечами.

– Слушай, ты можешь честно ответить мне на один вопрос?

– Смотря на какой.

– Вот как? Значит, есть вопросы для правды и вопросы для лжи? – жёстко, с нотками обиды проговорила она.

– Ну хорошо. Постараюсь ответить честно.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – без обиняков спросила Людка.

Уставшая от страданий, домыслов, переживаний, она была не в настроении вести игру. Она была не из тех, кто пытается развязать гордиев узел. Встретив препятствие, она предпочитала рубануть сплеча.

Вопрос поставил Егора в тупик. Людка ему не просто нравилась. Она даже снилась ему по ночам. Если бы не её неженская манера главенствовать и подминать всех под себя. Ей можно было либо безоговорочно подчиняться, либо уйти. Он предпочёл бы оставить всё как есть. И всё же рано или поздно ему пришлось бы ответить на этот вопрос.

– Нет, – коротко сказал он.

– Что нет? Не нравлюсь?

– Ты же сама знаешь, что это не так, – обтекаемо ответил Егор.

– Значит, нравлюсь. А что же ты из себя корчишь английского лорда? Или ты тупой, слепой и глухой и не понимаешь, что ты мне нужен?

– Нет, не то. Просто… – замялся Егор, не зная, как ей объяснить свои чувства, да и стоит ли объяснять.

– Что просто? Смотри, каникулы не безразмерные, – предупредила его Людка.

– Любовь – это не только секс, – вырвалось у Егора то, что первое пришло на ум.

– Да что ты! А кто тебе говорил про секс? – язвительно заметила Людка. – Или ты считаешь, что я дешёвка?

Егор смутился.

– Извини, я не то имел в виду.

– А что же? Я не терплю ложь. Если я влюблена в человека, я так и говорю. Или ты предпочитаешь, чтобы я корчила из себя недотрогу и делала вид, что ты мне безразличен?

– Прости, прости, прости, – повторил Егор.

– Что ты за человек? Тебе предлагают правду, а ты ищешь фальшивку.

– Ты мне очень…

Признание повисло в воздухе, но так и не было облечено в слова. Оно предназначалось только для одной, а при разговоре присутствовал молчаливый свидетель.

Тоня сидела в той же позе, на том же самом месте. Про неё, как всегда, забыли. Люди ведут интимные разговоры, не обращая внимания на стоящие рядом предметы. Но в отличие от вещей у неё были уши, и она слышала всё от начала до конца.

Людка проследила за взглядом Егора. При виде Тони в ней вскипела злость. Опять эта сволочь вставала у неё на пути! Мало того что она подслушивала. Могла бы из вежливости встать и уйти. Но она даже не смутилась, что её застали за этим занятием.

Глядя на девчонку в упор, Людка сердито произнесла:

– Слышь, Ведьма, ты знаешь такое понятие: третий лишний? Что ты уши растопырила? Пришла на пляж, так купайся, а нет – так вали отсюда.

Тоня поднялась и побрела прочь с покорностью собаки, которой дали пинка. Её фигурка в несуразном платье казалась жалкой и инородной на яркой картине летнего отдыха. Егору стало её жалко и неловко за Людкину грубость.

– Зачем ты так? – сказал он и хотел остановить Тоню, но Людка, угадав его желание, резко произнесла:

– Может, побежишь за ней? Она же убогая, её надо пожалеть. А я железобетонная. Я могу всё стерпеть. Ну давай, выбор за тобой. Только учти, ты выбираешь только один раз.

Егор понимал, что Людка не лжёт. Потеряв, её уже не вернуть, а она ему отчаянно нравилась. К тому же, как можно обидеть девчонку, которая только что призналась тебе в любви?

– Это же разные вещи, – сказал он. – Просто она очень одинокая.

– Вот на это она и рассчитывает. Одинокая, бедненькая. Пусть её жалеют.

– За что ты её так не любишь?

– Ты с ней в одной комнате не жил. Если бы ты знал, как она меня достала.

7

Внезапно Тоня перестала быть невидимкой. Теперь она то и дело попадала Егору на глаза. Каждое утро Тоня с сияющей улыбкой встречала его у дверей корпуса и провожала до столовой. Она буквально не давала ему прохода. Всюду, куда бы он ни посмотрел, он видел её дурацкую улыбку. Поначалу Егор улыбался в ответ и даже обменивался с ней ничего не значащими фразами, но в конце концов подобная назойливость стала его раздражать. Он перестал здороваться и нарочито не замечал Тоню, а она, как ни в чём не бывало, с покорностью собачонки следовала за ним по пятам.

Над ними уже подтрунивал весь лагерь, но она как будто не понимала, что делает из себя, а заодно и из него посмешище. Егор был не рад, что тогда в беседке с ней заговорил. Девчонка была явно не в себе. Интересно, на что эта дурочка надеялась? Может, она думала таким образом его в себя влюбить?

Егор уже не раз собирался поговорить с ней начистоту и запретить за собой бегать, но вспоминал их предыдущий разговор, и злость сменялась жалостью. Судя по всему, эту девчонку никто не любил, даже собственная мать. У него не поворачивался язык её прогнать, и затяжная инфекция неразделенных отношений продолжала развиваться, отравляя ему каникулы. Он злился на себя за мягкость и нерешительность, на Тоню за надоедливость, и копившееся в нём раздражение, подобно мифической змее, вновь кусало собственный хвост.

Неизвестно, сколько бы это длилось, если бы Людка не подтолкнула Егора к решительному шагу.

– Ну и долго ты её будешь поощрять? – как-то раз спросила она.

– Да кто её поощряет? Я с ней даже не разговариваю. Я же не виноват, что она за мной ходит хвостом, – оправдывался Егор.

– А тебе это льстит.

– Скажешь тоже. Думаешь приятно? Все уже смеются.

– Значит, приятно. Иначе ты бы уже давно с ней поговорил.

– Не могу. Жалко её, – признался Егор.

– Неужели ты не понимаешь, что она нарочно давит на жалость? Чем ещё она может тебя привлечь? Это единственное, чем она может взять. Она хитрая. А ты и размяк.

– Ладно, поговорю, – согласился Егор.

Может быть, Людка была права. В любом случае дальше так продолжаться не могло. Отдых превращался в сплошное мучение.

После ужина Витёк предложил проводить девчонок до корпуса, подождать, пока они переоденутся, и вместе пойти на дискотеку, но Егор, переглянувшись с Людкой, отказался:

– Идите, я вас потом догоню.

– Главное – не рассусоливай, – уходя, шепнула ему Людка, искоса глянув на маячившую на расстоянии Тоню.

Разговор предстоял нелёгкий и деликатный. Нужно было выбрать место достаточно уединённое, чтобы не выяснять отношения прилюдно, но в то же время не слишком интимное, чтобы не давать повода смешкам и сплетням. Егор свернул с главной аллеи и направился от жилых корпусов в сторону помещения, где работали кружки и клубы по интересам. Сейчас в этой части лагеря было тихо и безлюдно. Скоро должна была начаться дискотека, и все устремились на танцплощадку.

Егор шёл, не оглядываясь. Он не сомневался, что его «тень» следует за ним. Они обогнули живописный домик игротеки. Ранние южные сумерки затушевали яркие краски. Дойдя до огромного платана, под которым стояла деревянная скамья, Егор наконец обернулся. Тоня в нерешительности остановилась, не смея приблизиться. Ей не нужно было видеть его лица, чтобы понять, что он сердится. Она чувствовала все изломы его настроения, как слепой ощущает изъяны гладкого стекла.

Егор не знал, с чего начать. После разговора с Людкой он был полон решимости раз и навсегда поставить Тоню на место, но сейчас, когда девчонка, робея, стояла перед ним, с покорностью ожидая самого худшего, его воинственный пыл угас. Ему стало неловко, как будто он собирался шугануть больную собаку.

– Нам надо поговорить, – произнёс он колючим, чужим голосом и сел.

Поколебавшись, Тоня подошла и несмело опустилась рядом. После встречи в беседке они ни разу по-настоящему не говорили. Сколько раз Тоня мечтала об этом, но реальность отличалась от фантазий.

Чтобы как можно скорее покончить с неприятным объяснением, Егор без обиняков начал:

– Зачем ты за мной всё время следишь?

Вопрос остался без ответа. Её молчание не облегчало и без того тяжёлого разговора. Накопившееся в Егоре раздражение вскипало, готовое выплеснуться наружу.

– Перестань за мной ходить, – продолжал он.

Девочка покорно кивнула.

– Что ты всё время молчишь? – взорвался Егор.

Тоня подняла на него глаза. В темноте они казались непомерно огромными и печальными, как на иконах. В зрачках дрожали блики слёз.

Егор отвёл взгляд. Жалость подкатила к горлу. Он делал то, что должен был сделать, и всё же чувствовал себя подонком.

– Прости. Я не хотел на тебя кричать. Просто странный какой-то у нас разговор. Ты же не столб. Скажи что-нибудь. Ты хоть понимаешь, что бегать за парнем нехорошо? – спросил он, пытаясь загладить неловкость.

– Любить душой – не грех, – по-простому, безо всякого кокетства сказала Тоня.

Это было уже второе объяснение в любви, которое Егор выслушал за последние дни. Они были так же непохожи друг на друга, как и сами девчонки, и каждое по-своему вызвали у Егора чувство дискомфорта.

Он побаивался Людкиной напористости, а Тонино признание его вконец смутило и не на шутку испугало. Он был не готов взвалить на себя тяжёлую ношу её любви.

Пока её чувства не были облечены в одежду слов, он мог делать вид, что ничего особенного не происходит. Мало ли девчонок бегает за ребятами. Но теперь он был обязан вернуть её из мира грёз на землю, чтобы она не питала ненужных иллюзий.

Пытаясь спрятать горькую пилюлю в сладкую оболочку, он начал с заезженного штампа:

– Ты хорошая девчонка.

Что в переводе означало: ты мне не нужна. Однако Тоня не владела искусством перевода и понимала всё прямолинейно и примитивно, без дипломатических экивоков. На её лице

мелькнула робкая тень радости. Егору приходилось с трудом нащупывать дорожку в топкой трясине фраз, подыскивая надежные кочки-слова.

– Но посуди сама, куда бы я ни пошёл, ты за мной. Нельзя же так.

– Почему нельзя? – с детской непосредственностью спросила Тоня.

– Ты что – издеваешься? Все уже смеются.

– Что с того? Они не понимают: над любовью нельзя смеяться.

Разговор зашёл в тупик. Егор с досадой понял, что они говорят на разных языках. Тоня словно жила в только ей ведомом архаическом мире и не хотела понимать элементарных вещей.

На танцплощадке уже началась дискотека. Тишину летнего вечера, напоённую стрекотом цикад и кваканьем древесных лягушек, разрушили звуки электрогитары. Это подсказало Егору последний аргумент.

– У нас с тобой ничего не получится. У меня есть девушка.

– А мне ничего от тебя не надо. Разве что тебя видеть, – сказала Тоня и тихо добавила: – Она тебе тоже не пара. В ней ума больше, чем души.

Зажатый в тиски ревности двух девчонок, на этот раз Егор вступился за Людку.

– Если вы с ней не сошлись характерами, это ещё не значит, что она плохая.

– Не плохая. И не хорошая. В ней всякого хватает. Вот её так и ломает. Её Господь испытывает.

– В каком смысле?

– Красота – это большое испытание. Искушений много. А любить она не умеет.

– Это ты так считаешь, а она думает иначе, – возразил Егор.

– А ты?

Вопрос попал в точку. Несмотря на то что Людка без обиняков заявила, что он ей нравится, на роль Джульетты она отнюдь не подходила. Впрочем, может быть, в наше время Джульетты вообще перевелись? В любом случае Егор не собирался обсуждать их отношения, поэтому слукавил:

– Я тоже.

Разговор явно затянулся и сворачивал не в то русло. Нужно было закругляться. К счастью, у пояса зазвонил мобильник, выдав пассаж из фуги Баха. Егор поднёс трубку к уху. Раздался недовольный голос Людки:

– Ну ты куда там пропал? Долго тебя ещё ждать?

– Я сейчас.

Он нажал кнопку отбоя и сказал:

– Мне надо идти.

Тоня кивнула.

– Ты не обиделась?

Девчонка помотала головой, видимо, исчерпав сегодняшний запас слов.

– Пока, – сказал он, поднялся со скамейки, отошёл на несколько шагов, но вдруг споткнулся и чуть не упал. Какая-то мощная сила тянула его назад. Он повернулся. Вдруг невидимые путы ослабли.

Тоня упала перед ним на колени и торопливо запричитала:

– Прости. Прости. Я виновата. Я грешница. Прости.

Тоню сжигали страх и стыд. Вера в то, что нельзя силком подчинять людей своей воле, глубоко пустила в ней корни, и теперь она раскаивалась в своём грехе. Она так сильно хотела удержать Егора, что инстинкт на мгновение взял верх над разумом.

Егор постарался высвободиться из пут её рук.

– Перестань. Ты что? Встань.

Но она будто не слышала и цеплялась за него, как утопающий за последний плот. Наконец он поднял её на ноги. Девочка продолжала конвульсивно вздрагивать от рыданий. Худая и

ссутулившаяся, она походила на подраненную птицу, но на этот раз в Егоре не шевельнулась жалость. Ему стало страшно. Он вдруг осознал, что эта хрупкая девчонка могла так связать его невидимой верёвкой, что он бы сам бегал за ней, как собачонка.

– Это и есть приворот? – спросил он.

– Теперь ты тоже думаешь, что я ведьма, нелюдь? – тихо спросила Тоня, глядя в землю.

Он пожал плечами.

– Некоторые люди этим деньги зарабатывают. И вроде неплохо живут.

– Плохо. Господь это не одобряет. Потом за всё спросится.

– Что, в рай не попадут?

– Может, и так. Господь знает, как распорядиться.

– Значит, если б не это, ты могла бы заставить меня за собой бегать?

Тоня помотала головой.

– Кого любишь, того неволить не станешь. Силком – это не любовь. Надо, чтобы душа отзывалась.

Её ответ обескуражил Егора. Любая другая на её месте пользовалась бы своим даром на полную катушку, не щадя чужих чувств. На ум почему-то пришла Людка. Вот уж кто не церемонился бы. Впрочем, ей хватало и других средств.

Снова зазвонил мобильник. Егор выключил его, не ответив на звонок. Некоторое время они сидели молча, а потом Егор произнёс:

– Ты потрясная девчонка. Правда.

На этот раз фраза не нуждалась в переводе. Он сказал именно то, что хотел сказать, и всё же это было лишь вступлением к неизбежному: – Но я тебя очень прошу, перестань за мной ходить. Иначе я себя чувствую так, как будто сам вожу тебя на верёвке. Мне это как-то неловко, понимаешь?

Тоня задумалась, пытаясь осмыслить его слова, а потом кивнула. Егор вздохнул с облегчением, точно сбросил с плеч груз. Наконец-то он сумел найти к ней подходящий ключик. В порыве душевной щедрости ему захотелось хоть как-то ободрить её, и он сказал:

– Я к тебе очень хорошо отношусь, честно. Мы будем друзьями.

Слова вылетели слишком поспешно и небрежно, и он опасливо добавил:

– Только пусть это будет между нами.

«Что я мелю? Зачем подаю ей надежду?» – с досадой на себя подумал Егор. Недаром мама говорила, что он слишком мягкий. Вот и теперь умом он понимал, что нужно было проявить твёрдость и не разводить сантиментов, но не мог.

– Обещаешь, что не будешь ходить за мной по пятам? – спросил он, словно договаривался с маленьким ребёнком.

Тоня согласно закивала.

Они помолчали. Он хотел уйти, но не знал как. Снова повторять, будто заезженная пластинка: «Ну я пошёл», – было пошло и не к месту.

Ощутив его неловкость, Тоня сказала:

– Ты иди, иди. Она тебя ждёт.

В её голосе не было ни ревности, ни зависти, а лишь покорность очевидному. Пытаясь облегчить ему уход, она делала его ещё более неловким и тягостным. Но и оставаться было неуместно. Егор словно нехотя пошёл, но потом всё же обернулся.

– А ты?

– Иди, – махнула рукой Тоня. – Я никогда не сделаю тебе больно.

Егор не сразу отправился на дискотеку. На душе было тяжело. Вроде бы он добился всего, чего хотел. Он был практически уверен, что Тоня перестанет тенью следовать за ним, вызывая сплетни и насмешки. Но после сегодняшнего разговора его с ней будто связала невидимая

нить. Тонины паранормальные способности были тут ни при чём. Просто её пещерно наивные суждения заставили его задуматься и посмотреть на некоторые вещи с иного ракурса.

Когда он пришёл на дискотеку, танцы были в самом разгаре. Мелькание цветных пятен, мечущихся по танцплощадке, и грохот музыки не располагали к философии. Они отгоняли грустные размышления и помогали забыться. Поискав взглядом свою компанию, Егор протиснулся через толпу танцующих и вошёл в круг.

В перерыве между танцами Людка, насупившись, произнесла:

– Долго же ты с ней разговаривал. Я уж думала, не придёшь.

– Так получилось.

– Что, утешал? Опять жалко стало бедняжку?

– Что ты к ней прицепилась? Ревнуешь, что ли?

– А есть повод? – съязвила Людка.

– Тебе нравится ссориться?

Женским чутьём Людка поняла, что перегибает палку. Ревновать к тихоне и впрямь было глупо. Она улыбнулась и обвила его шею руками:

– Просто мне без тебя было скучно. Пойдём танцевать.

Она умела растопить лёд. Егор обнял её за талию и вдруг почувствовал себя настоящим счастливчиком. Людка была невероятно красивой, а главное – с ней не надо было подыскивать правильные слова, боясь ляпнуть что-нибудь не то. Она была современной и понятной, как SMS.

8

В те вечера, когда в лагере устраивали дискотеку, пульсация жизни концентрировалась на танцплощадке. Все, точно бабочки на свет, устремлялись на мелькающие огни светомузыки. Игровые площадки, террасы и беседки пустели. Лагерь словно вымирал.

Тоня шла по кипарисовой аллее к своему корпусу. Фонари светили только для неё. Вокруг не было ни души, лишь тень путалась под ногами, играя с фонарями в прятки. Она то непомерно вытягивалась и забегала вперёд хозяйки, то съёживалась, ласково пристраиваясь у самых ног, то вдруг перескакивала назад. Молчаливая наперсница, она преданно следовала за Тоней, не требуя внимания. И обе были в чём-то очень схожи. Будь Тонина воля, она бы с радостью стала тенью Егора, бесплотной и бестелесной, не прося ничего, кроме счастья его видеть и следовать за ним. Но она дала слово.

В корпусе было пустынно. Закрытые двери, одинаковые, точно клоны, выстроились вдоль галереи. За каждой из них текла своя жизнь, свой порядок и кавардак, свои секреты и разговоры, но снаружи они были безликими в своей схожести, как замкнутые души.

Тоня вошла в комнату. Фонарный свет лился через балконную дверь, отвоёвывая у тьмы квадрат пола. Не зажигая света, Тоня села на кровать. Где-то рядом затаилась подружка-тень.

На душе было и радостно, и пусто. Егор её не прогонял. Он сказал, что они будут друзьями. И всё же он ушёл к Людке.

Тоня пыталась убедить себя в том, что так и должно быть. Людка красивая и нравится всем. Но душа спорила с разумом, противясь принять очевидное.

«Если бы на месте Людки была другая девчонка!» – подумала Тоня.

«А может, это зависть? Зависть и ревность?» – безжалостно подметил разум.

Она испугалась этих греховных чувств.

«Я не ревную. Но Людка его не любит. Она не должна быть рядом с ним, – оправдывалась Тоня перед самой собой и тотчас, как прокурор, себя обвиняла: – Кто ты такая, чтобы судить? Кто ты такая, чтобы делить людей на хороших и плохих? Если ты любишь его сердцем, то

должна принять и полюбить всё, что любит он. Но ты лжёшь. Ты любишь его греховно. Ты – рождённая в грехе, лживая, ревнивая тварь, сволочь, нелюдь».

В ушах зазвучал голос матери, сотни, тысячи раз кидавшей в Тоню камни слов, так что они ранами отпечатались в душе. Девочка упала на колени и стала молиться.

«Господи, помоги мне полюбить её. Помоги мне принять её сердцем. Она хорошая, весёлая, красивая. Она позволила мне пойти со всеми в лес. Она добрая. Помоги мне её полюбить. Прошу тебя, Господи».

Она горячо и неистово шептала во тьму. Постепенно голос матери смолк, и страх отступил. Тоня встала и зажгла свет. Она посмотрела на кровать возле балкона с плюшевым щенком на подушке и вдруг вспомнила, что Людка ведет дневник. Если его почитать, будет легче её понять, а значит, и полюбить.

Она подошла к Людкиной тумбочке и, не задумываясь о дерзости своего поступка, открыла дверцу.

На полочках вперемешку лежали трусики, лифчики, майки, пакет чипсов, начатый блок сигарет и пластинки жвачки. Тоня помедлила, не решаясь коснуться пенного кружева белья. В мозгу прозвучал слабый сигнал, что она собирается совершить нечто недозволенное, ведь чужие вещи трогать нельзя. Но она и не собиралась ничего брать. Только взглянуть на дневник и вернуть его.

С её почти первобытной бесхитростностью ей не приходило в голову, что читать чужие дневники нехорошо. Она знала, что дневники знаменитых людей публиковались, и с ними мог ознакомиться каждый.

Прежде чем пошарить рукой по полке, Тоня закрыла глаза, как будто это нивелировало недозволенность проступка. Она была похожа на ребёнка, который, пряча голову, считает, что он стал невидимкой.

Под вещами она нащупала тетрадку, села на корточки и стала читать. Знакомые и незнакомые слова складывались в фразы, но, к разочарованию Тони, ничуть не приоткрывали дверцу в тайники Людкиной души.

22 апреля

…Ходили с Максом в «Точку» на «Мельницу». Макс обкурился и намекал, что не прочь перепихнуться. Послала его по холодку…

30 апреля

…Родаки укатили в Турцию. Ко мне переехала тётка. Это чума. Опять будет вставлять каждый день про то, как в их время парни ухаживали за девушками. Скорей бы неделя прошла…

18 мая

…Макс привёл Мангрива. Он организовал блэкушную группу. Безбашенный чувак. На спор ночевал на кладбище. Пушил хвост. Думает, что у него есть шанс…

5 июня

…Макс с Мангривом задумали снимать эротический ужастик.

Уламывали меня на главную роль. Мечтать не вредно. Сошлись на том, что сниматься будет Колобок и ужасы пойдут без эротики…

16 июня

…У Колобка смотрели нетленку. Жуткая фигня, но прикольно…

…Мангрив играл в «Свалке» на разогреве. Первый выход в люди. Всей кодлой ходили его подпереть. Макс приревновал меня к Пепирычу. Он меня начинает доставать.

28 июня

…Приехали в лагерь. Познакомилась с Егором…

Тоня прервалась. Сердце гулко забилось. Только теперь она ощутила, что вступает на запретную территорию, но именно сейчас отступить не было сил. Она продолжила чтение.

…Макс отдыхает. Полный отпад. Похож на шведа. Маська тоже запала. У Колобка разбилась банка с вареньем. С нами поселили какую-то деревню…

– Эй, ты что делаешь? – услышала она сердитый голос Людки.

Увидев, что Тоня сидит возле распахнутой тумбочки с дневником на коленях, Людка взорвалась.

– Ах ты тварь! По тумбочкам шаришь? – воскликнула она и, подскочив, наотмашь ударила девчонку.

Тоня съёжилась.

– Гадина! Мы и не подозреваем, что она тут без нас шурует, – бушевала Людка.

– А у меня хотела пудреницу утащить, скотина! – мстительно вспомнила Мася.

– Бей её! – скомандовала Людка.

Заражённые вирусом злобы, девчонки набросились на Тоню. Та не сопротивлялась. Годы жизни с сумасшедшей матерью отучили её противиться побоям.

Она лежала в позе эмбриона, закрыв голову руками, и уже не понимала, то ли кричат девчонки, то ли у нее в висках отдается голос матери: «Ведьма! Тварь! Скотина!», – пробуждая дремлющую в глубинах души вину за все несовершённые грехи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.